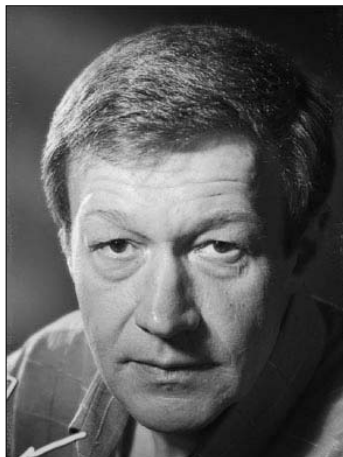

АЛЕКСАНДР РУДЕНКО

ПРИСТАНЬ

* * *

Небо хмуро обряжено в грубую чёрную ризу,
и не смотрит уже на тебя, и не вспомнит потом,
как ты с вечера пьёшь “Новосельскую” терпкую гымзу
в деревенской корчме с беловласым расстригой попом.
“Мы на этой земле новосёлы, — твердит он, — а значит,
новосёлы и на́ небе...”

Прав ли расстрига — не прав,
но ты видишь сквозь тьму, как усмешку надменную прячут
вековые курганы в колючие бороды трав.

Ты к стене у стола прислонил карабин зачехлённый,
твой охотничий пёс рядом дремлет — лохматый бандит.
Остро пахнет в корчме кукурузой, на углях печёной,
и огонь в очаге грубоватую нежность таит.

Снова чувствуешь, как —
с каждым прожитым днём, с каждым часом —
холодеет земля в ожидании снежных порош...

Прав ты или не прав, но — вино не допив с беловласым —
скоро выйдешь под небо и улочкой тёмной пойдёшь.

И вдова молодая с косой цвета тёмного злата,

РУДЕНКО Александр Анатольевич родился в 1953 году в Москве. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Автор ряда книг стихотворений и прозы, а также переводов поэзии. Стихи переводились на болгарский, английский, испанский, французский, немецкий и другие языки. Член Союза писателей России. Почётный член Союза писателей Болгарии. Лауреат болгарской Международной Ботевской премии. Живёт в России и в Болгарии.

что, наверное, ждёт и стоит перед домом своим,
пусть боится в ночи твоего безоглядного взгляда,
ибо жизнь небывалая кроется в безднах за ним.

* * *

Под кровом снега навесного,
не устающего парить,
ты вызвал филина лесного —
о темноте поговорить.

По кругу облетов поляну,
он ветвь дубовую встряхнул,
в глаза твои пытливо глянул
и взгляд свой жёлтый отвернул.

И глухо пробухтел:
“Ты — старше.
И, звёзды многие сочтя,
в ночи умеешь видеть дальше,
куда пронзительней, чем я...
Добыча наша и утраты
рассыплются, как снежный пух.
Какой ещё взыскуешь правды,
ты, гордый человеческий дух?
Земное время, без оглядки
летя в клубящуюся тьму,
несёт догадки — не разгадки...”

“Неправда, — ты сказал ему. —
За снегом и за днём погасшим,
в пространстве этом или нет,
мы будем жить полётом нашим,
среди нами созданных легенд”.

“Нет, — вскрикнул он. —
В своём полёте,
как над землёю ни кружись,
однажды темнота поглотит
всё то, чему мы дали жизнь.

Глотнёт надежды и порывы,
и не ответят мудрецы:
и как, и сколько будут живы
легенды наши и птенцы...”

Ты промолчал. И снег неспешный
окутал филина...

А тьма
сгустилась, будто бы с насмешкой,
и вдруг ответила сама:

“В моей утробе только смелый
рождает новую зарю...
Поэтому что должно — делай.
И — будь что будет, — говорю. —
И сердце пусть не опечалит,
когда войдёт оно в полёт,
что и Господь не отвечает
за жизнь, которую даёт...”

* * *

Вдаль и вширь раздвигается жёсткая тьма,
поднимаются грабы по склону холма —
и корявы они, и упрямы.
Поднимается сокол над ними в полёт —
пьёт нектар поднебесья... И солнце встаёт
за холмом вдалеке.

И не зря мы
от земли вновь и вновь поднимаем свой взгляд
к высоте, от которой тревожно болят
всё сильнее глаза... Потому что
счастье — путь, восходящий наверх.

И на нём
будем мы крещены и водой, и огнём;
и, быть может, жестокое знание найдём —
то, что сердцу земному не нужно.

* * *

Звёздный уголь потух,
темнота в деревьях поредела.
Неохотно мой дух
возвращается в сонное тело.
Узнаёт он шалаш
у корявой берёзы... И злая
сука чёрная — страж —
вздрагнет, но
на него не залает.
Снова плоть обрета,
заморозит он в памяти где-то
всё, что видел, бродя
и летая по отмелям света.
Сам задремлет — к другой,
скрытной жизни ещё не готовый.
Но моею щекой
вдруг почувствует лапник еловый.
И, хвоей опоён,
вновь полюбит до лучшего часа
шум безлиственных крон,
в небе брачную песню бекаса...
Будет холод, роса,
чёрствый хлеб на крови —
несвобода...
Приоткрою глаза.
И — глядящее в сторону входа —
разряжу я ружьё...
Протяну
к жизни зябкую руку,
чтоб погладить её —
злую чёрную верную суку...

ПРИСТАНЬ

Затянуло безлуные поречные дали,
тополя берегов, островные пески;
только вдруг в стороне огоньки замерцали —
там, где только что не было видно ни зги.

И твой катер, подхвачен волною упругой
и внезапною тягою этих огней,
развернулся на выплывшую за излучкой
неизвестную пристань и двинулся к ней.

Кто — на ней? Что — за ней? — говорящей безмолвно:
“Оглядишь, к дальним целям своим не спеши...”

И — зовущей тебя, и волнующей, словно
это пристань судьбы, это пристань души...

Говорящей таинственно: “Ныне и присно —
сквозь безлунную темень, сквозь мгlistую муть
да святится надежда и светится пристань,
за которою новый откроется путь.

Попытайся понять её сердце и камни,
и — возьми, что дадут; поделись, чем богат...
Лишь добром да запомнишься на́долго там, где
ты привяжешь канат... и отвяжешь канат”.

* * *

Заму́тится даль, заму́тится,
ливни длинные тая...
Веселись, душа!

Распутица —
это молодость твоя.
Это утренники в инее
на размоинах дорог,
это чувство, что по имени
вдруг тебя окликнул Бог.
И на все четыре стороны
остро шуришься... И всё ж
знаешь: скоро ли, не скоро ли —
что поищешь, то найдёшь.
Пусть ещё под тучей-облаком,
ветром глубоко дыша,
своего не знаешь облика
настоящего, душа...
За надеждами-привольями
и за мглюю маеты,
за любовями, за болями
на себя ли взыщешь ты?
И зашепчет ночь-пророчица,
что сомкнутся даль — и высь,
и твоё веселье кончится...
А покуда — веселись!

.....
Поздравляем нашего товарища с 65-летием!